

Людмила ЕФИМОВА

ПОЭТИКА АЛГЫСА ЯКУТОВ: ЭПИТЕТАЦИЯ

Мақалада якуттардың алгыс эпитациясы тарихи-генетикалық тұрғыдан қарастырылады және эпитеттердің түрлері, мысалы, күрделі эпитет-тирада (уустук эпитет олуга) және қат-қабат-эпитет-тирада (дьапталлыбыт эпитет олуга) талқыланады.

Makalede Sahalann alkış (algıs) epıtasyonu, tarihi-jenetik jannında terbiye türleri söz konusu olur.

История эпитета, по меткому выражению А.Н. Веселовского, «есть история поэтического стиля в сокращенном издании и не только стиля, но и поэтического сознания от его физиологических и антропологических начал и их выражений в слове» [1. 59]. Он в ней видел «целую историю вкуса и стиля в его эволюции от идей полезного и желаемого до выделения понятия прекрасного». Автор замечал внутреннее и внешнее развитие эпитета в контексте поэтического и народно-поэтического словоупотребления. Под внутренним развитием воспринималось «обобщение реального определения, что дает возможность объединить им целый ряд предметов», под внешним развитием эпитета понимался процесс накопления, при котором определения обогащались описаниями и накапливались. Сложные эпитеты, считал он, - явление позднее.

В определении термина «эпитет» замечается неясность: «самое понятие «эпитет» является в высшей степени зыбким и неустойчивым» [2. 360]. А.А. Потебня писал, что «точка зрения синтаксическая, с которой под эпитетом разумеют только прилагательное определительное, удерживаемая в пиитике и риторике, вносит в эти учения чуждую им категорию» [3. 166]. Он подчеркивал сложность состава эпитета, видя в нем и синегдоху, и метафору, исключая ошибочность их деления. В поэтическом эпитете замечал двоякость отношения к определяемому слову. В первом случае, писал он, «эпитет берется из нового наблюдения над явлением и не имеет ничего с этимологией определяемого слова», а во втором – эпитет согласуется с представлением или этимологическим значением определяемого. Эпитетом Б.В. Томашевский признавал поэтическое определение, выделяя тем самым его от грамматического или логического определений. Поэтическое определение или эпитет, по его мнению, «повторяет признак, заключающийся в самом определяемом слове, и имеет целью обращение внимания на данный признак или выражает эмоциональное отношение говорящего к предмету» [4. 58].

Хотя В.М. Жирмунский подчеркивал эпитет в широком и узком значениях, но границу между ними выделением группы логических определений так и не уяснил. Он считал, что «эпитетом следовало бы называть в соответствии со старым, вполне точным значением этого слова только украшающий эпитет, т.е. особый поэтический троп» [2. 360]. Автор вполне законным признавал применение термина «эпитет» только в традиционном узком значении и в отношении к народной песне или героическому эпосу. В развитии эпитета, через его образы, характеры, отражалось изменение поэтического и общественного сознания целых эпох. Со временем менялись содержание и структура эпитета русской поэзии.

В более поздних работах были рассмотрены эпитеты русской устной поэзии [5], былин [6, 7], народной лирики [8]. Было опровергнуто положение о «постоянных эпитетах» в русском устном творчестве. Понятие «постоянство» А.П. Евгеньева считает категорией относительной, под нее предлагается понимать «свободно сочетающиеся определения конкретного характера» [5. 337]. Поэтика русских былин более подробно рассмотрена в работах Ф.М. Селиванова. Эпитет в поэтической ткани русского фольклора имеет свои некоторые особенности. Ф.М. Селиванов выделил простые, сложные и развернутые эпитеты былин. В развернутых эпитетах было замечено, что «каждый последующий вместе с определяемым словом служит уточнением или эпитетом к предшествующему эпитету либо к сочетанию с эпитетом» [7. 102].

Почти не затронута и до сих пор остается вне внимания исследователей эпитетация жанров фольклора тюркских народов. Эпитетация является «чрезвычайно существенным средством для индивидуализации, конкретизации... явления или частичного его свойства» [9. 219]. Она была рассмотрена только в рамках определенных тем изучения [10; 11; 12; 13; 14; 15; 16], за исключением работ А.В. Кудиярова по калмыцкому эпосу, в которых выявлена усложненная эпитетика эпоса монголоязычных народов в целом. Данная эпитетика считается им как «особый вид художественной определительности, когда один из эпитетов в определенном ряду существительного уточняет, или усиливает другой» [17. 12]. Однако он ошибочно считает ее не столь распространенной в тюркских устно-поэтических традициях. Наоборот, истоки такой эпитетации могут быть сохранены в памятниках фольклора тюрко- и монголоязычных народов.

По синтаксическим нормам тюркских и монгольских языков место определения отведено строго перед определяемым словом. В поэтическом синтаксисе фольклора якутов такое положение не нарушается. Эпитет в

поэтике якутского фольклора занимает важную позицию и иногда становится одним из функционально-стилистических особенностей жанров. Например, в языке хороводных песен он выполняет композиционную и художественно-изобразительную роль, которая составляет их жанровую специфику [18].

Рассмотрим эпитет алгыса ыһыаха. Генетические истоки его развития восходят к поэтике хорового начала синкретизма искусств.

Композиционная структура хороводных песен якутов предполагает пять традиционных формул: зачинная, культовая, мифологическая, обрядовая и заклинательная (или алгысная). В культовой формуле хороводных песен воспеваются культы поклонения древних якутов. По-видимому, культовые формулы постепенно приобрели структуру культовых эпитетов. Такими эпитетами наделяются высшие божества (үрдүк Айыылар) из якутского пантеона богов и духи-покровители (иччилэр). В текстах хороводных песен высшее божество пантеона богов Үрүң Аар Тойон наделен следующим эпитетом:

1а. Үөһээкэлиир дойдуга	На верхней стороне
2а. Үстүүр халлаан үрдүгэр	Трехъярусного неба,
3а. Үргүнньэхтиир саңа да	В мягкой стоянке
4а. Үстүүрүкэ көбүөлээх	С тройной пышностью,
5а. Үрүң ордуу дыһэлэргэ	В светлом дворце
6а. Үстүүрүкэ сүүһүн ньии	Восседающий вечно
7а. Туолуталыан тухары	На протяжении всего времени,
8а. Үңкүрүйэн-төкүнүйэн	Разгулявшись-кувыркавшись,
9а. Үөскээн-төрөөн үөдүйбүт,	Нагулявшись живущий,
10а. Үрүң кустук тыннардаах	С дыханием в белую радугу,
11а. Өрүөл саарын таңастаах,	В серебристом одеянии,
12а. Үтүөкэнэн айыылыыр,	Обделяющий светом,
13а. Үрдүгүнэн тускулуур,	Воздающий добром,
14а. Үгүһүктүүр дойдум ньии	Являющийся основой
15а. Өһүөлүүрэ маңаната	Всего мироздания,
16а. Буолуталаан үөскээбит	Созданный для его укрепления
17а. Үрүң Аардыыр Тойон...	Үрүң Аар Тойон...

[19. л. 7.]

[Переводы всех примеров выполнены нами – Л.Е.]

В данном примере 17 строк (с 1а по 17а), эпитетная конструкция имеет 16 строк (с 1а по 16а), т.е. это – «цепочка стихов неопределенной длины» или тирада [20. 655]. Определяемым словом выступает имя высшего божества - Үрүң Аар Тойон (17а). На языке хороводных песен из-за необходимости ритмического выравнивания слогов под определенные

танцевальные движения и музыкальный ритм употребляются дополнительные аффиксы, частицы, союзы. Например, в составе имени божества Үрүң Аар Тойон к однословому Аар прибавлен аффикс –дыыр (Аар+дыыр) и получается Үрүң Аардыыр Тойон. Определяемое слово, в данном случае, имя божества, усиливается уточняющими его значения определениями. В качестве определения выступают имена прилагательные, имена существительные и именные формы глагола. Определительными свойствами в эпитетных конструкциях хороводных песен обладают даже предложения. Здесь уместно привести замечание А.А. Иванова – Күндэ о том, что «саха ырыатыгар бүтүн этиилэр эпитет буолан турааччылар» (в поэтике якутских народных песен в составе эпитета могут выступить целые предложения) [21. 255]. Например, грамматическая форма *Үгүһүктүүр дойдум ньи Өһүөлүүрэ маңаната Буолуталаан үөскээбит* (14а-16а) в составе эпитета-тирады близка по типу к простому повествовательному и безличному предложению. В данной грамматической форме подлежащее только подразумевается (это высшее божество - Үрүң Аар Тойон), сказуемое выражено глаголом *буолуталаан үөскээбит*- 3 лица единственного числа. Значит, форма является простым предложением (имеет главного члена предложения - сказуемое), безличным (подлежащее только подразумевается) и повествовательным. Но целое предложение *Үгүһүктүүр дойдум ньи Өһүөлүүрэ маңаната Буолуталаан үөскээбит* в данной синтаксической конструкции выступает как определение Үрүң Аар Тойона. Такими же качествами обладают другая грамматическая форма (1а-9а), и именные глаголы *тускулуур*- (13а), *айыылыыр*- (12а). Определением являются имена прилагательные: *таңастаах*, *тыыннардаах*. Определения - прилагательные определяемого слова *таңастаах*, *тыыннардаах* имеют своих же определений как *өрүөл саарын (таңастаах)* (11а), *үрүң кустук (тыыннардаах)* (10а), которые уточняют и усиливают значения самих слов. Замечается наслоение определений (с 1а по 16а) определяемого слова (17а). Схему наслоения можно представить следующим образом:

4. Определение 3 определения – 3 определение определяемого слова и т.д.
3. Определение 2 определения – 2 определение определяемого слова,
2. Определение 1 определения – 1 определение определяемого слова
1. Определяемое слово

Определяемое слово в поэтике признается как объект эпитета, образом эпитета выступает весь определительный ряд конструкции.

Принцип построения эпитетной конструкции хороводных песен по схеме наслоения исходит от объекта эпитета, т.е. снизу вверх. Вот поэтому,

пример следовало бы пронумеровать по такой иерархии, чтобы отсчет шел от самого близкого к объекту эпитета:

17а. Үөһээкэлиир дойдуга	На верхней стороне
16а. Үстүүр халлаан үрдүгэр	Трехярусного мира
15а. Үргүнньэхтиир саңа да	В мягкой стоянке
14а. Үстүүрүкэ көбүөлээх	С тройной пышностью,
13а. Үрүң ордуу дьизэлэргэ	В светлом дворце
12а. Үстүүрүкэ сүүһүн ньиин	Восседающий вечно
11а. Туолуталыан тухары	В течении всего времени,
10а. Үңкүрүйэн-төкүнүйэн	Разгулявшись-кувыркавшись,
9а. <u>Үөскээн-төрөөн үөдүйбүт.</u>	Нагулявшись живущий,
8а. Үрүң кустук <u>тыынардаах.</u>	С дыханием в белую радугу,
7а. Өрүөл саарын <u>таңастаах.</u>	В серебристом одеянии,
6а. Үтүөкэнэн <u>айылыыр.</u>	Обделяющий светом,
5а. Үрдүгүнэн <u>тускудуур.</u>	Воздающий добром,
4а. Үгүһүктүүр дойдум ньиин	Являющийся основой
3а. Өһүөлүүрэ маңаната	Всего мироздания,
2а. <u>Буолуталаан үөскээбит</u>	Созданный для его укрепления
1а. Үрүң Аардыр Тойон...	Үрүң Аар Тойон...

Имя божества - Үрүң Аар Тойон (1а) является объектом эпитета. Определительный ряд (с 2а по 17а) следует разбирать снизу вверх. В нем эпитеты, примыкающие к объекту выражены глаголами: буолуталаан үөскээбит (2а), тускудуур- (5а), айылыыр- (6а), үөскээн-төрөөн үөдүйбүт- (9а) и именами прилагательными: таңастаах, тыынардаах. Эпитеты таңастаах, тыынардаах имеют своих же эпитетов как өрүөл саарын (таңастаах), үрүң кустук (тыынардаах), которые уточняют значения слов, тем самым усиливают образ эпитета. Следовательно, определительный ряд эпитета (с 2а по 17 а) выступает выражением образа, с помощью которого воспевается высшее божество, постепенно раскрывается его образ, дается его характеристика.

Характерной особенностью данной разновидности эпитета можно считать наличие в одной строке в силу наслоения не менее двух-трех слов.

Например, в строке *Үрүң кустук тыыннардаах* (с дыханием в белую радугу) (8а) эпитет божества – *тыыннардаах* имеет своего эпитета – *кустук* (*кустук тыыннардаах*), второй эпитет также имеет своего эпитета (*үрүң кустук*). Значит, в данной строке мы имеем всего три слова, образующие одну из частей конструкции наложенного эпитета. Эпитетика хороводных песен имеет очень сложную конструкцию, она сможет претендовать на разряд усложненной эпитетики. В поэтике хороводных песен якутов мы различаем один из разновидностей эпитета – наложенный эпитет-тирада (дыапталлыбыт эпитет олуга). Наложением можно признать эпитет-тираду, простирающегося на более десяти строк, имеющего определительный ряд и признак наложения.

В языке фольклора наложенный эпитет-тирада *Үрүң Аар Тойона* встречается довольно часто. Он как бы проходит сквозь все жанры якутского фольклора. Встречается эпитет-тирада высшего божества в текстах описательных поэм о мироздании «Сир ийэ айыллыбыт ырыата» К.Г. Оросина [22], «Сир-халлаан үөскээбит ырыата» [23, с. 28]. Первый пример возьмем из песни К.Г. Оросина:

156. Токус хардыкастаах	На девяти-ярусном,
146. Добун дьолуо	Величаво-божественном
136. Мақан халлаан	Белом небе,
126. Туйгун дьулайыгар	На высокой его макушке,
116. Туналканнаах туһатын үрдүгэр,	На сверкающем лоне,
106. Килбиэннээх-чэлгиэннээх	На знатно-чистом,
96. Тэлгэхэтин иһигэр	И в светлом пространстве
86. <u>Ордууланан олорор;</u>	И во дворце живущий он,
76. <u>Үүт күүл үктэллээх,</u>	С беломолочным озером,
66. <u>Үүт-аас бэйэлээх,</u>	С пресветлым ликом,
56. <u>Үкэр куйаас тыыннаах,</u>	С дыханием в нежный зной,
46. <u>Көндөй күөх от торуоскалаах,</u>	С тростом из свежей травы,
36. <u>Сэбирдэхтээх от талбалаах,</u>	С листьями из нежных трав,
26. <u>Үүт таас бэйэлээх</u> [олбохтоох]	На троне из беломолочного камня
16. <u>Үрүң Аар Тойон...</u>	<u>Үрүң Аар Тойон</u>

[22, с. 12]

Объектом эпитета является *Үрүң Аар Тойон* (16), имеющий такие

эпитеты как *бэйэлээх* (возможно, *олбохтоох* – Л.Е.), *талбалаах*, *торуоскалаах*, *тыыннаах*, *бэйэлээх*, *үктэллээх*, *ордууланан олорор*-. В определительном ряду, раскрывающем образ эпитета (с 2б по 15б), выше перечисленные эпитеты божества имеют своих же эпитетов: (*үүт таас*) + *олбохтоох* < *үүт таас олбохтоох* (2б), (*сэбирдэхтээх* + *от*) + *талбалаах* (3б), (*көндөй* + *күөх от*) + *торуоскалаах* (4б), *үүт аас* + *бэйэлээх* (6б), *үүт күөл* + *үктэллээх* (7б). Грамматическая форма (15б-8б) *Токус хардықастаах Добун дьолюо Мақан халлаан Гуйгун дбулайыгар Туналцаннаах туһатын үрдүгэр Килбизэннээх-чэлгиэннээх Тэлгэһэтин иһигэр Ордууланан олорор* как и в предыдущем примере из хороходных песен является простым (сказуемое – *ордууланан олорор*), безличным (подлежащее подразумевается) и повествовательным предложением, выполняющим функцию определения. Размер эпитета большой, имеет 14 строк (2б – 15б). Строки состоят из трех (2б, 3б, 5б, 6б, 7б), даже четырех слов (4б), образующих сложный механизм наложения эпитетов.

Рассмотрим эпитет *Үрүң Аар Тойона* из олонхо «Дьырыбына Дьырылыатта Кыыс бухатыыр»:

16в. Бу үгүс киһи	Для всех людей
15в. Үнсэр суута <u>буолбут</u> ,	Ставший верховным,
14в. Элбэх киһи сүгүрүйэр	Для многих других
13в. Тойоно <u>буолбут</u> ,	Ставший главным,
12в. Ыраас халлаан <u>ыырдаах</u> ,	Во дворе из чистого неба,
11в. Чэгийэн халлаан <u>тэлгэһэлээх</u> ,	На усадьбе из синего неба,
10в. Дьолюо халлаан <u>толоонноох</u> ,	На долине из высокого неба,
9в. Арақас халлаан <u>алаастаах</u> ,	На алаасе из открытого неба,
8в. Ат бугулун сақа	Величиной в огромную копну
7в. Арақас наадал <u>түптэлээх</u> ,	С дымокурором освещающим,
6в. Мақан чүмэчи уота <u>банаардаах</u> ,	С фонарем из вечного света,
5в. Үс бодуол <u>тыыннаах</u> ,	С тройным духом,
4в. Үүт-таас <u>үктэллээх</u> ,	С подножьем из беломолочного камня,
3в. Өрүөллээх <u>бэргэһэлээх</u> ,	В шапке со знаком величия,
2в. Кириэстээх <u>торуоскалаах</u> ,	С тростом со знаком власти
1в. Үрүң Аар Тойон...	Үрүң Аар Тойон

[24. 10].

В примере из олонхо объект эпитета – Үрүң Аар Тойон (1в) наделен пышными эпитетами – прилагательными: *торуоскалаах, бэргэһэлээх, үктэллээх, тыыннаах, банаардаах, түптэлээх, алаастаах, толоонноох, тэлгэһэлээх, ыырдаах*, которые также как и в предыдущих примерах имеют своих эпитетов. Например, *торуоскалаах* букв. ‘с тростом’ наделен своим эпитетом *кириэстээх* букв. ‘с крестом’ (2в), но по семантическому значению больше подходит ‘со знаком власти’. Другой эпитет *бэргэһэлээх* букв. ‘в шапке’ стоит вместе со своим определением – эпитетом *өрүөллээх* букв. ‘со знаком величия’ (3в). В эпитетной конструкции олонхо имеются целые предложения: *Бу үгүс киһи Үнсэр суута буолбут, Элбэх киһи сүгүрүйэр Тойоно буолбут* (с 13в по 16в). Эти предложения по типу также простые, безличные и повествовательные. Они выступают в качестве эпитетов Үрүң Аар Тойона как в первых двух примерах из хороводных песен и описательных поэм.

По структурной организации все три эпитета-тирады из разных жанров якутского фольклора имеют один и тот же объект. Во всех примерах им выступает Үрүң Аар Тойон. Объект имеет образ эпитета, простирающийся на десятки строк (с 2а по 17а; с 2б по 15б; с 2в по 12в) и раскрывающий цельный образ культа поклонения. Следовательно, эпитет-тирада божества в трех жанрах фольклора имеет идентичную структуру.

Эпитетная конструкция божества имеет общие черты не только в структурном отношении, но и в изобразительном плане. В образе эпитета трех примеров имеются эпитеты, отражающие мифологические религиозные воззрения древних якутов. Высшее божество, по представлениям древних, обитает на небе. В хороводных песнях якуты описывают, что он живет на небе: *Үөһээкэлиир дойдуга* (В верхнем мире), *Үстүүр халлаан үрдүгэр* (На трех ярусном небе). В описательных поэмах Высшее божество воспевается: *Токус хардыкастаах Добун дьолюо Мақан халлаан Туйгун дьулайыгар* (На девяти ярусном Величаво-божественном Белом небе, На высокой его макушке). В олонхо описывается, что Үрүң Аар Тойон также восседает на небе: *Ыраас халлаан ыырдаах, Чэгийн халлаан тэлгэһэлээх, Дьолюо халлаан толоонноох, Арақас халлаан алаастаах* (Во дворе из чистого неба, На усадьбе из свежего неба, На долине из высокого неба, На алаасе из открытого неба). Описание места обитания Үрүң Аар Тойона в разных жанрах фольклора совпадает, в них он восседает на трех- или девяти- ярусном небе. Такие совпадения восходят к культу Неба древних якутов, который был воплощен в образе Үрүң Аар Тойона [25].

В поэтическую ткань эпитетов божества прочно входят лексические схождения. Так, в хороводных песнях воспевается, что живет Үрүн Аар Тойон в *үрүн ордуу дьилэргэ* ‘В светлом огромном дворце’ (13а). В текстах описательных поэм певцы описывают что, божество *ордууланан олорор* букв. ‘И во дворце живущий он’ (8б). Словосочетания *үрүн ордуу дьилэргэ* и во втором *ордууланан* (от *ордуу*) *олорор* имеют в своих активах слово *ордуу* [ср. тюрк. *орду*, *орда* ‘палатка, лагерь, дворец’, монг. «*орду*» ‘орда, дворец’, бур. *ордо* ‘кошомная сумочка, кошомный дворец’] в значении ‘становище, местопребывание, место стоянки’ [26, ст. 1863-1864]. Якут. *ордуу* сохранило семантическую близость с тюрко-монгольскими параллелями как тюрк. *орду*, *орда* ‘дворец’, монг. «*орду*» ‘дворец’, бур. *ордо* ‘кошомный дворец’. Жилище божества описывается в двух примерах почти одинаково, сохраняя семантическую целостность.

В составах эпитетных конструкций имеются сквозные лексемы изобразительного характера, образующие единое синтаксическое целое. Үрүн Аар Тойон в описательных поэмах и олонхо наделен эпитетами со словом *үктэллээх*. Например, *үүт-күөл үктэллээх* (7б) букв. ‘с беломолочным озером’ и *үүт таас үктэллээх* (4в) букв. ‘на подножье из беломолочного камня’. Здесь общей лексемой для обоих жанров является слово *үктэллээх* от якут. *үктэл* ‘ступень, ступенька, на которую ступают; подножье (что подставляется, подстилается под ноги, при сидении); берег’ [26, ст. 3112]. Вместе с лексемой *үктэллээх* в эпитетах фигурирует другое слово *үүт*, имеющее два значения. Первое значение якут. *үүт* [ср. тюрк. *сут*, *сүд*, *сөт*, бур. *уьен*, монг. «*сун*», маньчж. *сунь* ‘молоко’] означает ‘молоко’ [26, ст. 3190-3191]. Второе значение якут. *үүт* [ср. тюрк. *үт* ‘пробурованное отверстие, пустота на трубе, угольное ушко’] воспринимается в значении ‘умышленно сделанная, нарочно проверченная дыра; дыра малая; дыра, отверстие; щель, скважина’ [26, ст. 3191]. В первом варианте примера *үүт-күөл үктэллээх* (7 б), в словосочетании *үүт-күөл*, возможно, употреблено первое значение якут. *үүт* в значении ‘молоко’ и тогда перевод получается как ‘с беломолочным озером’. В словосочетании *үүт таас*, по нашей версии, слово *үүт* употреблено в значении цвета камня, т.е. ‘камень как молоко’ и *үүт таас* переводят как ‘беломолочный камень’. Следует заметить, что эпитеты в жанрах фольклора сохраняют в себе элементы метафоричности. Также одной из сквозных лексем изобразительного характера является *тыыннаах* ‘с дыханием’. В хороводных песнях поется, что он *Үрүн кустук тыыннардаах* ‘с дыханием в белую радугу’ (8а). Как мы уже замечали выше, в поэтике хороводных песен характерно наличие дополнительных аффиксов в силу

выравнивания слогов с музыкальным ритмом песен. Так, к имени существительному *тыын* прибавлен аффикс *-лар* множественного числа *тыын+лар* < *тыыннар*. Но в данном случае мы замечаем прибавление еще другого аффикса - *лаах* < *тыыннардаах*. А в описательных поэмах слово *тыыннаах* находится в составе эпитета *үкэр куйаас тыыннаах* 'с дыханием в нежный зной' (5б). В олонхо *Үрүн Аар Тойон* наделен близким эпитетом *үс бодуол тыыннаах* 'с тройным духом' (5в) со словом *тыыннаах*.

Композиционная структура якутского алгыса предполагает строгого соблюдения трех частей: обращения, прошения и угощения. Алгыс *ыһыаха* начинается с обращения к высшим божествам. Возьмем пример обращения алгыса *ыһыаха*:

7д. Сэттэ хаттыгастаах	На семиярусном
6д. Сибиэһэй халлаан	Чистом небе,
5д. Кэскиллээх киэлитигэр	На прекрасном лоне
4д. Олохтонон үөскээбит,	Восседающий,
3д. Акаттан төрөөбөтөх,	Не рожденный отцом,
2д. Айыллыбыта биллибэтэх	Созданный свыше –
1д. Үрүн Аар Тойон!	Үрүн Аар Тойон!

[27. 179].

Обращение к адресату *Үрүн Аар Тойон* включает в себе объект (1д) и образ эпитета (с 2д по 7д). Объект эпитета – это и есть адресат. Образ его раскрывается с помощью эпитетной конструкции, простирающейся на шесть строк. В его состав входит предложение: *Сэттэ хаттыгастаах Сибиэһэй халлаан Кэскиллээх киэлитигэр олохтонон үөскээбит*. Оно является простым, безличным и повествовательным предложением. Причастия возвратной формы (аат туохтуурдар) *төрөөбөтөх-* и *айыллыбыта биллибэтэх-* в качестве определительных форм выступают как эпитеты *Үрүн Аар Тойона*. В эпитете алгыса замечается описание место обитания божества, которое было характерно во всех рассмотренных трех жанрах якутского фольклора. Он восседает на *Сэттэ хаттыгастаах Сибиэһэй халлаан Кэскиллээх киэлитигэр* букв. 'На прекрасном лоне семиярусного свежего неба', что совпадает представлениям древних якутов. Мифологическая сторона эпитетики жанров фольклора осталась неизменной и в поэтике алгыса. По структурной организации данный эпитет можно охарактеризовать как сложный эпитет-тирада. Он состоит из объекта и образа эпитета, его определительный ряд расположен в шести строках, составляет цепочку стихов - тираду (с 7д по 2д).

В эпитетах алгыса могут отсутствовать имена прилагательные перечислительного характера. Но он составлен из предложения и причастий возвратной формы, что предполагает сложность всей эпитетной конструкции. Поэтому такую разновидность эпитета целесообразно назвать сложным эпитетом-тирадой.

Теперь рассмотрим алгыс ыһыаха В.А. Кондакова – ныне практикующегося алгысчыта:

11е. Аламай мақан халлаан	На высокой макушке светло-белого,
10е. Тохсус үрдүк мындаатыгар	Девятирусного неба
9е. Аан дойду айыллыақыттан	С момента мироздания
8е. Аар баһылыга <u>буолбут</u> ,	Ставший властелином,
7е. Үүттээх таас <u>олбохтоох</u> ,	С тронем из беломолочного камня,
6е. Үүтүнэн үллэр	С обилием молочным
5е. Үрүң көмүс <u>уоруктаах</u> ,	Во дворце восседающий,
4е. Үүс-аас <u>бэйэлээх</u> ,	С пресветлым ликом,
3е. Үрдүк <u>дьүүлээх</u> ,	Воздающий он добром,
2е. Үтүө <u>бэйэлээх</u>	Величественный
1е. Үрүң Аар Тойон!	Үрүң Аар Тойон!

[28, 24].

Объект эпитета – адресат алгыса (1е). Образ эпитета состоит из 10 строк (с 2е по 11е). По своей структуре – это наложенный эпитет-тирада, имеющий все три его признака. Он занимает более десяти строк, имеются признаки наложения. Например, в словосочетании *Үрүң көмүс уоруктаах* (5е) прилагательное *уоруктаах* является эпитетом Үрүң Аар Тойона. Составное слово *Үрүң көмүс* выступая как эпитет *уоруктаах* усиливает образность и значение объекта эпитета. В определительном ряду включено описание места обитания божества, которое является составной частью эпитетов во всех рассмотренных трех жанрах якутского фольклора. В алгысе В.А. Кондакова воспевается что, Үрүң Аар Тойон восседает на *Аламай мақан халлаан Тохсус үрдүк мандаатыгар* (с 11е по 10е) букв. ‘на высокой макушке светло-белого девятирусного неба’. Мифологические воззрения характерны и в поэтике алгыса на современном этапе. В данном примере имеются устойчивые

словосочетания, такие как *Үүттээх таас олбохтоох* (2б, 4в, 7е), и *Үүс-аас (Үтүө) бэйэлээх* (2б, 4е, 2е). По структурной организации данный эпитет является наслоенным эпитетом-тирадой.

В поэтике рассмотренных алгысов *ыһыаха* характерны эпитеты сложных конструкций: сложный эпитет-тирада (уустук эпитет олуга) и наслоенный эпитет-тирада (дьапталлыбыт эпитет олуга). В структурном отношении эпитетация алгыса не имеет резких отличий от эпитетики других жанров фольклора. В силу особенностей коммуникативной функции, свойственной только алгысу, объектом эпитета всегда выступает адресат. Образ эпитета во всех жанрах якутского фольклора, в том числе и в алгысе, оформляется определительным рядом. Неизменным остается влияние мифологических воззрений якутов на эпитетацию алгыса *ыһыаха*. Сквозные лексемы и словосочетания, входящие в эпитетику жанров якутского фольклора, сохранились в изобразительной лексике алгыса. В поэтическую ткань эпитетов могут быть включены целые предложения, имена прилагательные перечислительного характера, деепричастия и причастия. По своей структуре эпитетика данного вида алгыса очень близка к усложненной эпитетике эпоса монголоязычных народов.

Таким образом, эпитетация алгыса *ыһыаха* восходит к поэтике жанров якутского фольклора, которые вышли из хорового начала (хороводные и описательные песни, олонхо). Развитие эпитетики алгыса можно рассмотреть как эволюцию поэтического сознания народа саха от воображаемого и желаемого образа до коммуникативных «общений» с куклами поклонения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 404 с.
2. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1977. 407 с.
3. Потебня А. А. Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990. 344 с.
4. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 2002. 334 с.
5. Евгеньева А.П. Очерки по языку устной поэзии в записях XVII-XX в.в. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 348 с.
6. Ухов П.Д. Постоянные эпитеты в былинах как средство типизации и создания образа // Основные проблемы эпоса восточных славян. М.б Изд-во АН СССР, 1958. С. 120-171.
7. Селиванов Ф.М. Поэтика былин. М.: Изд-во Московск. университета, 1977. 128 с.
8. Еремина В.И. Поэтический строй русской народной лирики. Л.: Наука, 1978. 184 с.
9. Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. М.: Просвещение, 1976. 548 с.

10. Стеблева И.В. Поэзия древних тюрков V-VIII в.в. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1965. 147 с.
11. Короглы Х.Г. Огузский героический эпос. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1976. 240 с.
12. Боескоров Г.К. Якутский народный певец С.А. Зверев (Очерк о жизни и творчестве). Якутск: Книж. изд-во, 1956. 64 с.
13. Петров В.Т. Взаимодействие традиций в младописьменных литературах. Новосибирск: Наука, 1987. 298 с.
14. Пухов И.В. От фольклора к литературе. Сборник статей. Якутск: Книж. изд-во, 1980. 128 с.
15. Слепцов П.А. Якутский литературный язык: формирование и развитие общенациональных норм. Новосибирск: Наука, 1990. 277 с.
16. Аханянова Н.А. Поэтический синтаксис олонхо и характер эпической эпитетации // Фольклор и современная культура. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1991. С. 120-139.
17. Кудияров А.В. Художественно-стилевые закономерности эпоса монголоязычных народов // Фольклор. Образ и поэтическое слово в контексте. М.: Наука, 1984. С. 10-55.
18. Ефимова Л.С. Лексико-стилистические особенности языка хороводных песен якутов: Автореф. дисс... канд. филол. наук. Якутск, 2004. С. 15
19. Архив ЯНЦ СО РАН. Фонд-5, опись-3, ед. хранения-238
20. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 727 с.
21. Иванов А.А. – Күндэ. Кыһар туһат. Дьокуускай: Кинигэ изд-та, 1979. 296 с.
22. Оросин К.Г. Сир ийэ айыллыбыт ырыата // Саха саҕата №3 1912. с. 6-15.
23. Саха народной ырыалара (Якутские народные песни). Якутск: Книж. изд-во, 1976. 232 с.
24. Ядрихинской П.П. Дьырыбына Дьырышыагта Кыыс бухатыыр: олоҕо. Якутскай: Кинигэ изд-та, 1981. 200 с.
25. Гоголев А.И. Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. Якутск: Издательство Якутского университета, 2002. 104 с.
26. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Л.: АН СССР, 1958-1959. 3858 ст.
27. Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лене (по преданиям якутов бывшего Якутского округа). Якутск: нац. книж. изд-во «Бичик», 1994. 352 с.
28. Кондаков В.А. Айыы ойууна. Дьокуускай, 1996. 284 с.

REZUME

L.S. Efimova (Sakha)

POETRY OF SAKHA ALGYS: EPITET MEANS

The article contains epitet means of Sakha algys from historical-genetic viewpoint. Development and two main parts of algys epitetal means – complicated epitet and foliated epitet – are reviewed.